

УДК 811.111'25

ББК 81.2Англ

Р-98

Рядчикова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Кубанского государственного университета т.: (861)253-38-54;

Схаляхова Саида Шамсудиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Майкопского государственного технологического университета, т.: (8772) 571239.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАТИВНОГО ПЕРЕВОДА РЕЧЕВЫХ АКТОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

При текстопорождении, текстовосприятии и переводе у людей происходят разные когнитивные процессы. При общем смысле предложения избирается разный способ передачи информации. Наиболее яркими отличиями между языком оригинала и перевода юридических речевых актов чаще всего бывают различия в синтаксисе, лексике, морфологии; различия страноведческого характера, лингвокультурологические, мировоззренческие особенности носителей языка и переводчика.

Ключевые слова: речевой акт, текстопорождение, интерпретация, перевод.

Ryadchikova Elena Nicholaevna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics at the Kuban State University, tel.: (861) 253-38-54;

Skhalyakhova Saida Shamsudinovna, Candidate of Philology, assistant professor of Foreign Languages Department of Maikop State Technological University, tel.: (8772) 571239.

FEATURES OF INTERPRETIVE TRANSLATION OF SPEECH ACTS INTO ENGLISH

When creating, comprehending and translating texts, different cognitive processes occur. At a general sense of the sentence a different method of transmitting information is elected. The most striking differences between the original language and translation of legal speech acts are most often the differences in syntax, vocabulary, morphology, differences in the nature of Regional Geography, linguo-cultural, ideological features of the native speakers and translators.

Keywords: speech act, text creating, interpretation, translation.

Нет оснований сомневаться в том, что интерпретация реципиента может и даже наверняка не совпадает с авторской концепцией. В.В. Бибихин отмечает, что, если бы мысли бережно перекладывались из одной головы в другую неизменными, их стареющие содержания свято сберегались бы, но отмирало бы за ненужностью что-то более важное. Ведь «катастрофа, происходящая с моей мыслью в чужой голове, - это одновременно рождение там новой мысли» [1:198]. Но такое «утешение» не

снимает актуальности вопроса о соотносительности авторской концепции, его интерпретации с интерпретацией читательской как результата его текстовосприятия. С этой точки зрения представляется интересной попытка сопоставления двух противоположных процессов – текстопорождения и текстовосприятия, предпринятая Г.Ф. Калашниковой и Л.Е. Красовицкой. Авторы, обобщив научные изыскания лингвистов, занимающихся проблемами текста, полагают, что текст является общим составляющим двух процессов – текстопорождения и текстовосприятия. Исходной точкой первого является авторский замысел (как первопричина текстопорождения), самая общая концепция, которая выступает как нечто дотекстовое. Затем замысел автора начинает оформляться в определенную языковую форму, что в свою очередь выталкивает на поверхность содержательно-фактуальную информацию. Но, поскольку единицы языка способны порождать ассоциативные и коннотативные значения, в тексте скрывается и подтекстовая информация, которая является одним из способов реализации информации концептуальной. Организующий центр всего - субъективная авторская модальность, определенная система авторских оценок, пронизывающая все текстовое пространство [2:2].

Принципиальное различие развертывания текста при его порождении и восприятии, на наш взгляд, состоит в том, что в первом случае развитие текстового пространства идет от глубинной структуры, сфокусированной в авторском замысле, во втором - от поверхностной к глубинной, к постижению (насколько это возможно) авторской концепции. И хотя уже стало общим местом упоминание о том, что «конечный продукт» не всегда тождественен первичной концепции, нелишне, вероятно, отметить, что причины этого кроются как в области осознанного (изменение авторской интенции, дополнительные сюжетные линии и т. д.), так и в области, таковой не являющейся. По словам Мережковского, это происходит у «больших, бессознательно гениальных художников». В результате «катастрофа», происходящая с авторской мыслью, его интенцией в читательских головах, именно в процессе текстовосприятия может сделать ее гениальной. Об этом же говорит В.В. Красных, утверждая, что текст порождается автором, но может переживать последующие рождения при восприятии его реципиентом. При этом текст объективно предстает как некий текстовый инвариант, который допускает некоторое число вариантов. Но что считать вариантным пониманием, а что непониманием (искаженным пониманием)

текста? То, как его понимает автор, или то, как его понимают читатели? И если вернуться к тому, что художественный текст всегда не вполне адекватен авторскому замыслу, то «не является ли он в таком случае абсолютно самодостаточной единицей, живущей по своим собственным законам, но и третьим - и едва ли не самым важным - участником коммуникации, предопределяющим и, если угодно, диктующим реципиентам определенное понимание (при этом сам автор выступает в роли реципиента)?» [3:171]. Однако далее В.В. Красных утверждает, что концепт автора, служащий отправным моментом при порождении текста, является и конечной целью при его восприятии. При сопоставлении с проблемой нетождественности «конечного продукта» и отправной концепции автора просматривается определенное противоречие. И что же в таком случае является объектом понимания - авторский замысел, или его как реципиента восприятие собственного текста, или собственно текст, «предопределяющий» понимание? Возникает вопрос: как все это переключается со следующим утверждением: «При понимании чужой речи всегда оказывается недостаточным понимание только одних слов, но не мысли собеседника. Но и понимание мысли собеседника без понимания его мотива, того, ради чего высказывается мысль, есть неполное понимание. Точно так же в психологическом анализе любого высказывания мы доходим до конца только тогда, когда раскрываем этот последний и самый утаенный внутренний план речевого мышления, его мотивацию» [3:7].

О невозможности совершенно идентичного восприятия и понимания одного и того же разными людьми писал еще А.А. Потебня: «Думать при произнесении известного слова то же самое, что думает другой, значило бы перестать быть самим собою, поэтому понимание в смысле тождества мысли говорящего и слушающего есть иллюзия, в которой действительным оказывается только некоторое сходство... Наше слово действует на других, но при этом оно устанавливает между личностями связь, не уравнивая содержание этих личностей, а настраивая их гармонически» [4:10]. При таком понимании можно допустить, что знания о мире не бывают безличностными, бессубъектными, и значение текста раскрывается только в контексте некоего ментального пространства, в рамках категоризации, присущей субъекту, социальной общности или человечеству как совокупному культурно-историческому субъекту.

Среди наиболее важных коммуникативных средств, могущих играть определяющую роль в создании, восприятии и воздействии юридических речевых актов, следует назвать лингвистические, паралингвистические, социокультурные, национально-специфические явления языка и речи, личностные характеристики и интенции автора и переводчика.

В описании и обнаружении смысла следующего речевого акта главную роль играют паралингвистические особенности. Они могут служить фактором создания благоприятной атмосферы на судебном разбирательстве, средством выражения уважения к собеседнику. Это предопределяет большую открытость во время коммуникации, доверительность и, как следствие, облегчает ведение дела, например:

“I get more and more fond of Rubby. I decided, gentlemen, to adopt her legally. She would become, by law, my daughter. That, I hope, explains my concern for her and the steps I took when I heard of her unaccountable disappearance.”

There was a pause. Then Superintendent Harper, his unemotional voice robbing the question of any offense, asked, “May I ask what your son-in-law and daughter-in-law said to that?” Jefferson’s answer came back quickly. “What could they say? They didn’t, perhaps, like it very much. It’s the sort of thing that arouses prejudice. But they behaved very well – yes, very well. It’s not as though, you see, they were dependent on me (A. Christie).

- Я все больше и больше привязывался к Руби. И я решил, джентльмены, официально удочерить ее. Она стала бы моей дочерью по закону. Надеюсь, это достаточно объясняет мою тревогу и шаги, которые я предпринял, когда услышал о ее необъяснимом исчезновении.

Наступило молчание. Потом суперинтендант Харпер, чей спокойный голос лишил вопрос всякого оскорбительного оттенка, сказал: «Могу ли узнать, что сказали на это ваши зять и невестка?» «Что они могли сказать?» - сразу же ответил Джефферсон. «Им, возможно, это не слишком понравилось. В подобных вещах большую роль играют предрассудки. Но они вели себя очень порядочно – да, очень порядочно. И ведь они от меня нисколько не зависят» (А. Кристи).

Исследуя особенности английских и русских речевых актов, нельзя не сказать и о проблемах, возникающих при переводе.

Специалисты определяют **цель** социальной коммуникации как средство привлечь внимание специалистов в области практики и теории перевода к концепции

социальной коммуникации как текстовой деятельности, представляемой в качестве обмена действиями порождения и интерпретации текстов, в ходе которого выясняется, способны или не способны люди понимать друг друга. Этот подход называют лингвосоциопсихологическим, что предполагает рассмотрение социальной коммуникации, с одной стороны, в качестве универсального социокультурного «механизма», ориентированного на обеспечение взаимодействия социальных субъектов, а с другой – в качестве интенциональной, то есть мотивированной и целеобусловленной деятельности, осуществляемой людьми в контексте проблемных жизненных ситуаций, лежащих у истоков социально значимых процессов [5:54].

Вследствие различия культур коннотации двух сходных по денотату лексем могут быть различны и даже противоположны. Большие трудности для переводчика представляет безэквивалентная лексика, в том числе и реалии определенной культуры. Неправильное восприятие и осмысление незнакомых реалий приводит к искажению содержания в результате их неправильной передачи [6:151-152].

Т.П. Рассказова считает, что «менталитет русской культуры кардинально отличается от менталитета англосаксонской культуры. Русские более эмоциональны и иррациональны, чем представители англосаксонской культуры, что отражается в языке» [7:7]. Наши исследования подтверждают, что в большом количестве случаев это так и есть. Однако в юридической речи встречаются и обратные примеры. Анализируя отдельные слова, устойчивые выражения, крылатые слова, а также такие паралингвистические средства, как мимика, жесты, взгляды и то, как они участвуют в создании юридических речевых актов, мы обнаружили следующую закономерность. В ряде примеров в английском языке юридическая речь зачастую оказывалась более выразительной. Эмоциональная окраска слов и предложений в целом в английских примерах проступает значительно ярче, чем в русских. Экспрессия, присущая обычно русскому языку, даже и в юридических процессах, представлена в большом количестве английских примеров.

Sir Henry said, "Do you mind me asking you a frank question?" "Oh, do ask me anything you like," said Josie a little insincerely. "Has there been any unpleasantness between you and Mrs. Jefferson and Mr. Gaskell over all this?"

Josie stood twisting her fingers together. She said rather sullenly, "Well, there has and there hasn't, if you know what I mean. Neither of them has said anything. But I think

they blame it on me – Mr. Jefferson taking such a fancy to Ruby, I mean. It wasn't my fault, though, was it? These things happen, and I never dreamt of such a thing happening beforehand, not for a moment. I – I was quite dumfounded.” Her words rang out with what seemed undeniable sincerity (A. Christie 1964, p.87).

– Вы разрешите, мисс Тернер, задать вам прямой вопрос? – сказал сэр Генри. – Пожалуйста. Спрашивайте меня, о чем хотите, – сказала Джози не совсем искренне. – Не было ли между вами и миссис Джефферсон с мистером Гаскелом каких-нибудь недоразумений из-за всего этого?

Джози сжала ладони и ответила с досадой.

– И да, и нет, так сказать. Они мне ничего не говорили. Но я думаю, что они винили за это меня – за то, что мистер Джефферсон так привязался к Руби. Но при чем тут я, правда же? Такие вещи случаются сами собой, а мне ни на секунду даже в голову не приходило, что такое может произойти. Я... я была просто ошарашена. – Слова эти вырвались у нее с подкупающей искренностью (А. Кристи).

В этом примере фраза Josie stood twisting her fingers together. She said rather sullenly в дословном переводе выглядит как *Джози стояла, сжимая свои пальцы вместе. Она сказала довольно угрюмо...* В русском переводе мы читаем следующее: *Джози сжала ладони и ответила с досадой.* Здесь наблюдается несовпадение, разная эмоциональная окраска, причем английский вариант – более экспрессивный.

В следующем примере также ярко проявляется экспрессивная окраска в английском варианте:

Chief Justice Stone was even more emphatic. In a private letter, he wrote, “Juckson is away conducting his high-grade lynching party at Nuremberg. I don't mind what he is doing to the Nazis, but I hate to see the pretense that he is running a court and proceeding according to common law”. Senator Taft said, “ In these trials we have accepted the Russian idea of the purpose of trials – government policy and not justice – with little relation to Anglo-Saxon heritage. By clothing policy in the forms of legal procedure, we may discredit the whole idea of justice in Europe for years to come” (J. Borkin).

Председатель суда Стоун высказался более категорично. В частном письме он писал: «Джексон отсутствует, верша свой суд Линча в Нюрнберге. Мне безразлично, как он поступает с нацистами, но мне претят претензии на то, что суд и судебное разбирательство ведутся по нормам общего права». Сенатор Тафт заявил: «Облекая

политику в форму судебной процедуры, мы можем дискредитировать всю идею правосудия в Европе на многие годы в будущем» (Дж. Боркин).

Предложение *I don't mind what he is doing to the Nazis, but I hate to see the pretense that he is running a court and proceeding according to common law*

дословно можно перевести так: *Мне безразлично, как он поступает с нацистами, но мне ненавистно видеть те претензии, с которыми он нападает на суд и судопроизводство, ведущееся в соответствии с общими нормами.* В русском переводе читаем: *Мне безразлично, как он поступит с нацистами, но мне претят претензии на то, что суд и судебное разбирательство ведутся по нормам общего права.* Очевидно, что русский вариант в большей степени тяготеет к канцелярско-деловому стилю; он более сух и мало эмоционален. Следующий пример:

The trial of Daugherty and Miller began on September 7, 1926. For the first time in the history of the United States, a U.S. attorney general was being tried for bribery. The courtroom was jammed; many lawyers as well as the general public came to witness the contest that was about to take place between two giants of the legal profession, Max Steuer for Daugherty and Emory Buckner for the people (J. Borkin).

Суд над Догерти и Миллером начался 7 сентября 1926 года. Впервые в истории Соединенных Штатов министра юстиции США судили за взяточничество. Зал заседаний суда был переполнен; многие юристы и представители широкой публики явились, чтобы присутствовать на состязании, которое должно было состояться между защитником Догерти Максом Стейером и государственным обвинителем Эмори Бакнером (Дж. Боркин).

При идентичности смысла наблюдается использование разных частей речи при переводе. Но основное внимание мы обращаем на присутствие в английском языке более яркого смыслового определения: в русском языке эта часть фразы выглядит так: *чтобы присутствовать на состязании, которое должно было состояться между защитником Догерти Максом Стейером и государственным обвинителем Эмори Бакнером.* Тогда как в английском написано буквально следующее: *came to witness the contest that was about to take place between two giants of the legal profession*, что в дословном переводе звучит как *Пришли на состязание по выступлению двух защитников, которое происходило между двумя гигантами юридических профессий*

(см.: [8]). В данном случае в английском языке экспрессия проявляется более ярко, чем в переводе на русский язык, хотя обычно бывает наоборот.

Существенными отличиями между языком оригинала и перевода юридических речевых актов могут стать различные синтаксические конструкции, несовпадение лексических единиц; при общем смысле предложения избирается разный способ передачи информации, расширенные конструкции предложений в английском языке по сравнению с русским. Проиллюстрируем это примерами:

In all police cases there is necessarily a lot of information that is held back for various reasons – because it touches on a family skeleton, because it is considered to have no bearing on the case, because it would entail awkwardness and embarrassment to the parties concerned (A. Christie).

Во всех полицейских расследованиях очень многое утаивается. Причины бывают разные: то ли чтобы не обнаружилась постыдная семейная тайна, то ли человек считает, что его сведения не имеют отношения к делу или могут поставить заинтересованные стороны в неловкое или тяжелое положение (А. Кристи).

В данном случае содержание одинаково, но в английском языке – это одно целое предложение, а в русском – два парцеллированных. Известно, что к парцеллированию прибегают тогда, когда хотят сделать сообщение более акцентуализированным, эмоционально выразительным, выделить тему и рему сообщения. Видимо, в данном случае переводчик захотел выделить именно первую фразу, мысль о том, что утаивание фактов для всех полицейских расследований – обычное, распространенное явление. Следующий пример:

Taylor correctly divined one of the main defense strategies – to make the defendants out to be ordinary businessmen like those the world over. However, the way the prosecution began to develop the case seemed to play into the hands of the defense. The prosecution introduced organizational charts, cartel agreements, patent licenses, correspondence, production schedules, and corporate reports, as is done in antitrust cases, not at a trial of war criminals charged with mass murder (J. Borkin).

Тейлор правильно разгадал один из главных стратегических приемов защиты: рассматривать обвиняемых как обычных бизнесменов. Вначале представители обвинения излагали дело так, что это играло как будто на руку защите. Они представили организационные схемы, картельные соглашения, патентные лицензии,

корреспонденцию, производственные планы и отчеты промышленных корпораций в таком духе, как это делается на антитрестовских процессах, а не на процессах военных преступников, обвиняемых в массовых убийствах (Дж. Боркин).

В этом примере между языком оригинала и языком перевода наблюдаются различия страноведческого характера. Здесь присутствуют лингвокультурологические, мировоззренческие особенности носителей языка и переводчика. В английском языке значительно расширена конструкция определения по сравнению с русским, потому что переводчик не считал возможным добавить к словосочетанию *обычных бизнесменов* еще дополнение, присутствующее в английском – *таких, как во всем мире*. Для Советского Союза тогда еще не существовало общепринятого понятия «бизнесмен», да еще «такой, как во всем мире». Во время написания перевода, в 1982 году, это слово носило классовый характер и имело негативную оценку.

При передаче следующего речевого акта в официально-деловой стиль оригинала переводчиком включены элементы и разговорного, и нейтрального, и возвышенного стилей.

“I’m afraid you’ll think my ‘methods’, as Sir Henry calls them, are terribly amateurish. The truth is, you see, that most people – and I don’t exclude policemen – are far too trusting for this wicked world. They believe what is told them. I never do. I’m afraid I always like to prove a thing for myself.” “That is the scientific attitude,” said Sir Henry. “In this case”, continued Miss Marple, “certain things were taken for granted from the first, instead of just confining oneself to the facts” (A. Christie).

– *Боюсь, что мой метод, как выразился сэръ Генри, совсем любительский, - сказала она. – Видите ли, люди в большинстве, и я не исключаю полицейских, слишком доверчивы для этой юдоли зла. Они верят тому, что им говорят. Я же никогда не верю. Я прежде все для себя проверяю - Чисто научный подход, - сказал сэръ Генри. - В данном случае, - продолжала мисс Марпл, - многое с самого начала было сочтено как само собой разумеющееся, тогда как следовало строго ограничиться фактами (А. Кристи).*

Предложение *The truth is, you see, that most people – and I don’t exclude policemen – are far too trusting for this wicked world* дословно должно переводиться так: *Правда в том, как вы видите, что большинство людей, и я не исключаю полицейских, слишком далеки от правды для этого порочного мира*. Переводчик же дает такой вариант:

Видите ли, люди в большинстве, и я не исключая полицейских, слишком доверчивы для этой юдоли зла. В русском переводе используется крылатое выражение из Библии "юдоль зла", очевидно для подчеркивания пафосности высказывания, из желания переводчика несколько смягчить категоричность оригинала, подчеркнуть то мнение, что не весь мир порочен. Об этом же говорит и разница в восприятии и воздействии выражений «люди слишком далеки от правды» и «люди слишком доверчивы». Следующий пример:

Merton did not regard Dulles as much of a lawyer. This became clear when Merton went on to testify that Dulles had suggested that Metallgesellschaft declare bankruptcy so that Societe Siusse would have a better chance to collect from the Custodian. He characterized the advice as asking "a man to cut off his nose to spite his face." To Merton it made no sense for the giant Metallgeseschaft to declare bankruptcy to collect a mere \$7 million claim. The exchange between Merton and Buckner about the Dulles advice about the bankruptcy of Metallgesellschaft was not missed by Steuer (J. Borkin).

Мертон не считал Даллеса компетентным юристом. Это стало ясно, когда Мертон заявил далее, что Даллес предложил объявить о банкротстве «Метальгезельшафт», с тем чтобы «Сосьете суисс» имела больше шансов получить компенсацию от Управления по опеке над имуществом иностранцев. Он отозвался об этом совете Даллеса как о таком совете, когда человек вредит себе, стараясь досадить другому. Мертон не находил никакого смысла в том, чтобы гигантская компания «Метальгезельшафт»² объявила себя банкротом с целью получения всего лишь 7 млн. долл. Переписка между Мертоном и Бакнером по поводу рекомендации Даллеса о банкротстве «Метальгезельшафт» не ускользнула от внимания Стейера (Дж. Боркин).

В этом примере предложение *Merton did not regard Dalles as much of a lawyer* (дословно Мертон считал Даллеса не таким уж и юристом) переведено на русский как "Мертон не считал Даллеса компетентным юристом" – здесь наблюдается некоторое несоответствие в лексическом выборе. Обращает на себя внимание толкование английской пословицы "a man to cut off his nose to spite his face." В английском языке это выражение является устойчивым и обозначает дословно: человек отрезает себе нос, чтобы досадить своему лицу [9:112]. А в русском аналога этого выражения не существует, и переводчик предлагает вариант: человек вредит

себе, стараясь досадить другому. Здесь мы обращаем внимание на разные, причем не вполне точные языковые знания, и делаем заключение, что имеет место ошибка переводчика. Следующий пример:

When Steuer cross-examined Dulles, part of his strategic plan of defense began to unfold. The fraudulence of the Merton claim was to be charged to the advice of lawyer Dulles and not to the venality of Miller and Daugherty. For ninety minutes Steuer subjected Dulles to a withering cross-examination. Steuer, with obvious contempt for Dulles's answers, sought to unnerve the witness: "You are evidently trying to avoid responsibility in this case. I don't understand your anxiety. Everyone knows you are involved only in your professional capacity" (J.Borkin).

Когда Стейер подверг Даллеса перекрестному допросу, стал частично выявляться его план защиты. Мошенническую проделку с претензией Мертона, по его замыслу, следовало объяснить рекомендацией адвоката Даллеса, а не продажностью Миллера и Догерти. Изматывающий перекрестный допрос Даллеса Стейером продолжался полтора часа. Стейер, не скрывая своего презрительного отношения к ответам Даллеса, постарался выбить свидетеля из колеи, сказав: «Вы, видимо, стараетесь избежать ответственности в этом деле. Мне непонятно ваше беспокойство. Всем известно, что вы связаны с ними только в силу своей профессии». «Я не беспокоюсь», - ответил потрясенный Даллес (Дж.Боркин).

В этом случае использовались разные фоновые знания, а именно *For ninety minutes* (в течение 90 минут) переведено как *полтора часа*, т.е. при переводе присутствует детализация "минуты-часы".

Во фразе *sought to unnerve the witness* (дословно: пытался лишить спокойствия свидетеля) использованы русские реалии при переводе сочетания *пытался выбить свидетеля из колеи* [10:358]. Идиома "выбить из колеи" трактуется как "Нарушать привычный образ жизни; выводить из обычного состояния" [11:89].

Итак, можно сделать вывод, что сравнительный анализ текстов юридической тематики в художественных произведениях американских и русских авторов, проводимый с учетом стилистических особенностей переводов, как юридической лексики, так и бытовых лексических понятий в ситуациях речевого общения правоведов, позволил выявить ряд отличий, во многом обусловленных национальными особенностями общения и различиями в языковой структуре. При

сопоставлении часто необходимо опираться на экстралингвистическое содержание слова, которое условно называют его страноведческим компонентом.

В чистом виде юридические речевые акты в языке художественных и публицистических произведений встречаются крайне редко. В большинстве случаев они перемешаны, в одном речевом акте могут комбинироваться два и более типа из представленной классификации. В частности, уловка может функционировать не только как самостоятельный речевой акт, но и может обнаруживаться в каждом из этих типов; зачастую главное значение в них могут иметь пара- и экстралингвистические средства.

Исследование коммуникативных средств, участвующих в английских и русских юридических речевых актах, а также изучение особенностей их перевода, показало, что лингвистические, паралингвистические, социокультурные, национально-специфические явления языка и речи, личностные характеристики и интенции автора и переводчика играют определяющую роль в создании, восприятии и воздействии юридических речевых актов. Анализ отдельных слов, устойчивых выражений, крылатых слов, а также таких паралингвистических средств, как мимика, жесты, взгляды и способы их участия в создании юридических речевых актов показал, что в ряде примеров в английском языке юридическая речь зачастую оказывалась более выразительной. Эмоциональная окраска слов и предложений в целом в английских примерах проступает значительно ярче, чем в русских. Экспрессия, обычно присущая русскому языку, даже и в юридических процессах, представлена в большом количестве английских примеров. Наиболее часто встречающимися в английских речевых актах специфически национальными чертами можно считать чувство собственного достоинства, иногда граничащее с бахвальством, словоохотливость и стойкое стремление защищать неприкосновенность своей личности.

Наиболее яркими отличиями между языком оригинала и перевода юридических речевых актов чаще всего бывают различные синтаксические конструкции, несовпадение лексических единиц, фазисность глаголов; при общем смысле предложения избирается разный способ передачи информации, расширенные конструкции предложений в английском языке по сравнению с русским; различия страноведческого характера, лингвокультурологические, мировоззренческие особенности носителей языка и переводчика. Неточность перевода обусловлена, в

основном, разницей в выборе стилистических средств и средств выражения экспрессивности. Иногда переводчик стремится приспособить английскую грамматическую структуру для удобства восприятия русским читателем, т.к. строгий порядок слов в английском предложении не всегда приемлем, не воспринимается как естественный для русского реципиента.

Литература

1. Биbihин В.В. Общение без индивида // Загадка человеческого понимания. М., 1991. С.196-212.
2. Калашникова Г.Ф., Красовицкая Л.Е. Об иерархии текстовых категорий в художественном произведении // Филология. 1995. № 4. С. 2 – 4.
3. Красных В.В. Некоторые аспекты психолингвистики текста // Филология – Philologica: Изд-во КубГУ. Краснодар. 1996. № 2. С.5-8.
4. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
5. Дридзе Т.М. Язык, поэтика, перевод // Сб. научн. тр. Вып. № 426. М.: МГЛУ, 1996. С. 54-55.
6. Анисимова Т.В. Деловое общение: речевой аспект. Волгоград, 2000.
7. Рассказова Т.П. Лексика удивления в русском и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.
8. Борисенко И.И., Саенко В.В. Русско-английский юридический словарь. Киев, 1999.
9. Англо-русский словарь глагольных словосочетаний / Под ред. Э.М. Медниковой. М., 1990.
10. Спирс Р.А. Словарь американских идиом. М., 1991.
11. Фразеологический словарь русского языка. / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1967.